

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

БЕЛИНСКИЙ
ИСТОРИК И ТЕОРЕТИК
ЛИТЕРАТУРЫ

УЧЕБНИК

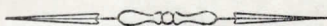
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Л20 $\frac{\Gamma-7}{26a}$

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И М Е Н И
А. М. ГОРЬКОГО

БЕЛИНСКИЙ
ИСТОРИК И ТЕОРЕТИК
ЛИТЕРАТУРЫ

СБОРНИК
СТАТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1949 · ЛЕНИНГРАД

А. МЯСНИКОВ

БОРЬБА ПЛЕХАНОВА ЗА БЕЛИНСКОГО С РЕАКЦИОННОЙ КРИТИКОЙ

Как известно, Плеханов всю жизнь занимался изучением истории русской общественной мысли и собирался подытожить свои исследования в многотомном труде. Пожалуй, ни одному из русских мыслителей Плеханов не посвятил столько работ, как Белинскому. Перу Плеханова принадлежат восемь статей о Белинском: статьи «Белинский и разумная действительность» и «Литературные взгляды В. Г. Белинского» были написаны в 1897 г. и помещены в журнале «Новое слово». Весной 1898 г. Плеханов произнес речь, посвященную 50-летней годовщине со дня смерти Белинского (эта речь была повторена в Женеве, Цюрихе и Берне и обработана в статью «В. Г. Белинский»).¹ Статья «Виссарион Григорьевич Белинский» была написана в 1908 г. и помещена во II томе «Истории русской литературы» под редакцией Овсяннико-Куликовского. Статья «О Белинском», написанная в 1910 г. к столетию со дня рождения великого мыслителя, была напечатана в журнале «Современный мир». Там же в 1911 г. появились статья «Виссарион Белинский и Валериан Майков» и рецензия на книгу С. Ашевского «Белинский в оценке его современников». Последняя статья — «Столетие со дня рождения В. Г. Белинского» была опубликована в 1911 г. в профессиональном журнале металлостроителей «Наш путь». Имя Белинского нередко встречается в самых разнообразных статьях Плеханова. Плеханов относился к великому мыслителю с громадным уважением и любовью. Он завещал похоронить себя рядом с Белинским.

В середине 90-х годов наступил третий этап освободительного движения в нашей стране. Россия стала родиной ленинизма.

В классической работе «Критические заметки по национальному вопросу», написанной в 1913 г., В. И. Ленин писал: «Есть две нации в каждой современной нации... Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова».¹ В тот период, когда русский пролетариат стал вожаком общественного движения и Россия, по определению И. В. Сталина, оказалась «беременной революцией», борьба демократической культуры с буржуазной обострилась с небывалой силой. Эта борьба велась по всем линиям — и в области философии, и в области социологии, и в области эстетики. Уже в 90-х годах появляется ряд книг, в которых ведется борьба с наследством революционной демократии и закладываются

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 20, стр. 16.

основы декадентства. В 1890 г. выходит книжка Минского «При свете со-
вести», в 1893 г. книжка Мережковского «О причинах упадка и о новых
течениях в современной русской литературе». В эти же годы появляются
первые сборники стихов русских символистов — Бальмонта, Брюсова,
Мережковского, Сологуба и др. В журнале «Северный вестник»
Волынский из года в год и из номера в номер печатает статьи, в которых
пытается переосмыслить с идеалистических позиций всю историю русской
общественной мысли, расшатать материалистические традиции, утвердить
реакционную теорию «искусства для искусства». Эти статьи Волынский
объединяет в два объемистых тома и выпускает в свет в 1896 г. под назва-
нием «Русские критики». Эпигоны народничества группируются вокруг
журнала «Русское богатство» и своего идейного вождя Н. К. Михайлов-
ского.

В России начинается третий этап освободительного движения. Проле-
тариат, выступавший под руководством Ленина и Сталина, выдвинул на
сцену литературной борьбы величайшего художника — Максима Горького.
Идет ожесточенная борьба по самым важным вопросам. Вопрос об отно-
шении к искусству, о социальной роли искусства, о задачах художников,
о сущности искусства решается прямо противоположно представителями
различных общественных течений.

Идет борьба и вокруг понимания Белинского — за Белинского и против
Белинского.

Волынский в своих статьях глумился над памятью великого Белинского
и над русским народом, выдвинувшим его из своих рядов.

Волынский считал, что Белинский не был мыслителем, философом.
«Приготовив почву для критики, — клеветал Волынский, — он не оставил
в наследство грядущим поколениям никакой системы, никакого определен-
ного метода, никаких отправных посылок для эстетической оценки, никаких
положений для исторического и психологического объяснений фактов лите-
ратуры».² Воинствующий реакционер Волынский, охваченный ненавистью
к деятелям русского освободительного движения, договаривается до чудо-
вищных нелепостей, будто «аргументы Белинского слабы, а теоретические
рассуждения в пределах одной и той же статьи часто противоречат друг
другу, не отличаются силой упругой, побеждающей мысли, его взгляд на
литературу не проникает до глубоких основ художественного творчества,
его общее мировоззрение, зыблемое мимолетными, изменчивыми, личными
и общественными настроениями, не захватывает своей смелостью и ориги-
нальностью».³ «Не обладая настоящим знанием, — писал Волынский о Бе-
линском, — он не внес в свою критическую деятельность таких философ-
ских суждений, которые могли бы иметь серьезное значение в истории че-
ловеческой мысли. Белинский не имел последователей. Он не создал ника-
кой критической школы».⁴ Пытаясь разгромить революционно-демократи-
ческую эстетику, Волынский приходит к закономерному для себя выводу:
«Русскому просвещению не на что опереться».⁵

Тому «просвещению», которое старался культивировать Волынский,
которое опирается на эклектическую систему, состоящую из обрывков
идеалистических философских систем и религиозных догм, этому «просве-
щению», действительно, не на что было опереться; революционно-демократи-
ческая эстетика была ему глубоко враждебна. И Волынский обращает свой
взор к тем, кто разделял идеи философского идеализма, кто вел борьбу

² «Северный вестник», 1893, № 10, стр. 122.

³ Там же, № 12, стр. 147.

⁴ Там же, 1892, № 10, стр. 137—138.

⁵ А. Л. Волынский. Русские критики, 1896, стр. 18.

с передовыми представителями русской общественной мысли. Так, например, он старается опровергнуть систему Чернышевского доводами махрового реакционера, профессора Киевской духовной академии Юркевича, который еще в 60-х годах был разбит Чернышевским. Именно Юркевича Волинский признает настоящим философом, отказывая в этом звании Чернышевскому.

Идеи «Северного вестника» были восприняты и своеобразно развиты в декадентских журналах начала XX в.

Журнал «Весы», едва возникнув, заявил о своей солидарности с Волинским. Рецензент этого журнала, рассматривая новое творение Волинского — «Книгу великого гнева» и отмечая некоторую устарелость понятий автора, писал о Волинском: «Его имя должно остаться в истории русской литературы. Он был нужен в свое время. Он был тем колоколом, в который забили набат, когда медлить стало уже невозможно... «Северный вестник», руководимый Волинским, был тем передовым бойцом, который пожертвовал своей жизнью, чтобы открыть путь всей рати. И мы с благодарностью и даже с некоторым пиететом повторяем имя А. Л. Волинского» (1).⁶

И позднее, уже после революции 1905 г., «Весы» не изменили своей точки зрения. «Имена Волинского, Розанова, Мережковского, Минского, — писал Борис Бугаев (Андрей Белый), — дорогие имена, незабвенные. Это наши учителя. В них находили мы отклики на все то, что волновало нас в дни нашей юности».⁷

И в полном согласии со своими реакционными предшественниками критики журнала «Весы» боролись с революционно-демократической эстетикой. Они считали, что в середине прошлого века в нашей критике и общественной мысли был застой, «когда мертвящее влияние материализма в науке, позитивизма в философии и натурализма в искусстве достигло апогея».⁸ Философские взгляды Белинского, Чернышевского и Добролюбова были приравнены к позитивизму, а их эстетические воззрения — к натурализму! К таким чудовищным выводам пришли критики-идеалисты, сознательно извращая взгляды революционных демократов.

В первые годы деятельности «Весов» роль одного из руководящих критиков журнала выполнял Б. Садовской. Он был достойным преемником Акима Волинского. Одну из своих статей он посвятил Белинскому. «Лучезарный ореол святости, — писал Б. Садовской, — озарял память Белинского почти полвека».⁹ Б. Садовской считает, что Белинский не заслужил такой чести, и Садовской делает клеветническое заключение: «За последнее время Белинский начал быстро забываться».¹⁰ Б. Садовской считал, что роль пророков для его поколения должны играть Ницше и Достоевский. Б. Садовской, подобно Волинскому, облыжно отказывает Белинскому в глубоком уме и не находит в его работах никакой самостоятельности мысли. «Белинский всю жизнь поддавался чужим влияниям, — утверждал Садовской. — Сбитый с толку друзьями, он под конец жизни все более и более погружался в болото ежедневности, от эстетических созерцаний уходя в крайности социализма. В последние годы его идеалы сознательно сводились к «печному горшку». Критические выводы Белинского, при всех своих достоинствах, поражают односторонностью и поспешностью выводов и суж-

⁶ «Весы», 1904, № 2, стр. 67.

⁷ Там же, 1906, № 1, стр. 70.

⁸ Там же, 1909, № 12, стр. 188.

⁹ Там же, 1904, № 9, стр. 62.

¹⁰ Там же.

дений... При внимательном, кропотливом перечитывании всей массы написанного им, мы уже никак не можем назвать его непогрешимым судьей или гениальным прозорливцем, перед нами очень талантливый, вспыхивающий, как порох, журналист — и только журналист, правда с пульсом 150 в минуту, глубоко искренний и правдивый». ¹¹

Не мудрено, что Б. Садовской одним росчерком пера пытался зачеркнуть всю русскую революционно-демократическую эстетику.

Позиции других декадентских журналов начала XX в. — «Мира искусства» (1898—1904), «Нового пути» (1903—1904), «Золотого руна» (1906—1909) и других во взгляде на Белинского принципиально не отличались от позиций «Весов»: они также вели борьбу против материализма за идеализм, против общественной роли искусства за теорию «искусства для искусства», против рационализма за интуитивизм, против реализма за мистику.

В 1909 г. вышел позорно известный сборник «Вехи». В. И. Ленин упреждал, что авторы этого сборника «порвали с самыми основными идеями демократии, с самыми элементарными демократическими тенденциями...». ¹² Веховцы создали, как говорил Ленин, целую энциклопедию либерального ренегатства. Они подытожили высказывания буржуазных интеллигентов о великих деятелях освободительного движения. Один из участников сборника, Бердяев, возмущался тем, что Белинский связывал вопросы эстетики с вопросами общественной борьбы. Булгаков обвинял Белинского в атеизме и в слепом следовании западному «атеистическому социализму». ¹³ По мнению Бердяева, «Белинский, один из отцов русской интеллигенции, плохо знал философию и не обладал философским методом мышления». ¹⁴

Едва ли нужно было бы подробно говорить об этом реакционном вздоре, если бы эти высказывания не характеризовали состояние русской буржуазной науки конца XIX — начала XX в., которая старалась расправиться со всеми лучшими достижениями демократической культуры. Русская культура была в опасности. Ее спасли от разгрома последователи Маркса, ее спасли Ленин и Сталин и их ученики.

Вопрос об отношении к наследству прошлого очень остро стоял в конце XIX в. Михайловский на страницах журнала «Русское богатство» неоднократно обвинял русских марксистов в том, что они отказываются от прогрессивных традиций русской общественной мысли. Ему ответил Н. Е. Федосеев, один из первых русских марксистов, высоко ценимый Лениным. «Вы говорите, — писал Н. Е. Федосеев в письме от 10—19 марта 1894 г., — что мы «попираем отцовские идеалы». Этого нет и не может быть! С нашей стороны нужно быть кретинами и нравственными квазимасло, чтобы «попирать» идеалы Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова... Мы сами учились по литературным произведениям этих писателей... Мы дорожим этими именами, как самым лучшим, драгоценнейшим достоянием русской мысли». ¹⁵

В этой борьбе с реакционерами за правильное понимание Белинского Плеханову принадлежит почетное место.

Основные статьи Плеханова о Белинском написаны в конце XIX в. (в 1897—1898 гг. — три работы), когда сам Плеханов еще стоял на сравнительно последовательных марксистских позициях, и в 10-х годах XX в.

¹¹ «Весы», 1904, № 9, стр. 63—64.

¹² В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 109.

¹³ «Вехи», 1909, стр. 32.

¹⁴ Там же, стр. 3.

¹⁵ «Литературное наследство», т. VII—VIII, 1933, стр. 200.

(в 1910—1911 гг.—четыре работы), когда Плеханов был меньшевиком-партийцем и сближался с большевиками в борьбе против веховцев и всех тех, кто пытался зачеркнуть значение русских революционных демократов или переосмыслить их творчество в либеральном духе. Но сам Плеханов, как известно, в годы написания работ о Белинском не был свободен от серьезных заблуждений. Статьи Плеханова о Белинском противоречивы. Там, где он следовал марксистскому методу, Плеханов давал глубокий и правильный анализ творчества Белинского. Когда же он отступал от этого метода, вставал на путь объективизма, пытался при помощи Белинского в позднейших своих работах обосновать свои меньшевистские идейки, смазать различие между либерализмом и революционной демократией,— тогда Плеханов извращал Белинского и нередко в своих выводах смыкался с теми, против кого вел борьбу.

Плеханов в 90-е годы выступает с горячей защитой Белинского. Он ведет борьбу за Белинского с позиций самой передовой общественной мысли, с позиций марксизма. «Теперь возможна научная литературная критика,— подчеркивает Плеханов в 1897 г. в статье «Судьбы русской критики»,— потому что теперь уже установлены некоторые необходимые проlegomena общественной науки».¹⁶

Плеханов тщательно изучил все, что было написано о Белинском.

В архиве Дома Плеханова сохранился разбор книги Вольинского «Русские критики». Плеханов подверг анализу статьи Вольинского о Белинском. В статье «Судьбы русской критики» Плеханов раскрывает пустоту и бессодержательность статей Вольинского, наполненных реакционным идеалистическим вздором. Плеханов показывает, что Вольинский, обещавший дать изложение истории русской критики, практически пришел к выводу, что такой истории не существует, а есть хаос литературных мнений, в который он, Вольинский, впервые вносит порядок. В своих черновых тетрадях 90-х годов Плеханов делает краткую и выразительную заметку: «Вообще ничего не может быть поверхностнее работ Вольинского».¹⁷ Плеханов показывает, какой смехотворно нелепый характер имеют высказывания Вольинского о Белинском.

Не выше оценивает Плеханов и работу главы народнической критики Михайловского «Белинский и Прудон», которая была помещена в IV томе сочинений Белинского в издании Павленкова. «Пройдет много лет,— писал Михайловский,— сменится много критиков и даже критических приемов, но некоторые эстетические приговоры Белинского останутся во всей силе... Но зато только в этой области Белинский и находил для себя почти непрерывный ряд наслаждений. Как только эстетическое явление осложнялось философскими и нравственно-политическими началами, так чутье правды более или менее изменяло ему, между тем как жажда оставалась все та же, и это-то и делало из него того великомученика правды, каким он выступает в своей переписке».¹⁸ Народник Михайловский в полном согласии с Вольинским отрицал самое наличие философского таланта у Белинского.

На этой же точке зрения стоял и буржуазный либерал профессор С. А. Венгеров. Он считал, что все значение Белинского в истории русской общественной мысли исчерпывается наличием у критика «великого сердца». В своей статье о Белинском, так и названной «Великое сердце», Венгеров писал: «Ведь самые-то настоящие великие люди те, которые не сами по

¹⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 196.

¹⁷ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI, 1938, стр. 148.

¹⁸ В. Г. Белинский. Соч., изд. Павленкова, 1893, т. IV, стр. XXXI.

себе, а отражают великие эпохи. Второстепенно было бы значение Белинского, если бы он отражал одного Станкевича, одного Грановского, одного Герцена. Но если он одновременно, и притом по отношению к большинству из них с бесконечно большей силой и блеском, отражал и Станкевича, и Боткина, и Бакунина, и Грановского, и Герцена, то это уже значит, что он является центральным пунктом знаменитейшей эпохи, выразителем самого замечательного момента русской культуры, давшей ту плеяду великих мыслителей, которые поставили Россию на один уровень с великими литературными державами человечества».¹⁹ Венгеров не видел творческой самостоятельности и самобытности Белинского, считая его пассивным существом с любящим сердцем и оразившим, отчасти бессознательно, мысли и чувства знаменитых людей своего времени.

Всем этим вздорным и в конечном итоге реакционным высказываниям Плеханов противопоставил свое понимание Белинского. Он увидел, что в оценке (скорее — в отрицании) Белинского «трогательно» объединились один из теоретиков декадентства — Вольнский, народник Михайловский и либерал Венгеров.

«Мы полагаем,— писал Плеханов в своей первой статье о Белинском,— что Белинский был одной из «высших философских организаций», когда-либо выступавших у нас на литературное поприще».²⁰ В конце этой статьи — «Белинский и разумная действительность» — Плеханов снова повторяет эту же мысль, указывая, что глубокое изучение истории развития Белинского неизбежно приводит исследователя к таким выводам.²¹

В своей речи о Белинском, произнесенной за границей в 1898 г., Плеханов, не стесненный условиями царской цензуры, привел известные стихи Некрасова о Белинском и отметил: «Живой и сильный ум Белинского стремился проложить новые «стеzi» не только в литературной критике. Его упорная работа была направлена также и на социально-политическую область. И его попытка найти новый путь в этой области заслуживает даже большего внимания, чем сделанное им собственно в литературе».²²

И через десять лет враги освободительного движения всеми силами старались доказать, особенно в период развертывания революции 1905 г., что Белинский в лучшем случае сделал несколько удачных замечаний о художественной литературе, относительно ценных для своей эпохи, но не имеющих никакой ценности для современности, и яростно оспаривали его силу в области философии и социологии.

В 1911 г. в статье «Виссарион Белинский и Валериан Майков», Плеханов привел отрывок из одного письма Белинского, в котором Белинский писал, что Герцен «попадет не только в историю русской литературы, но и в историю Карамзина». «Но то же произошло и с самим Белинским,— пишет Плеханов: — он «попал» в обе эти истории. И это, разумеется, очень хорошо: такому крупному историческому деятелю, как он, по праву принадлежит почетное место даже в «Истории» Карамзина, а не только в истории русской литературы».²³ Плеханов считал, что Белинский не только гениальный философ и теоретик искусства, которому не было равного в мировой литературе, но и великий общественный деятель, сыгравший исключительную роль в истории нашей родины.

Белинский для Плеханова был прежде всего гениальным передовым мыслителем своего времени. Плеханов рассматривает путь развития Белин-

¹⁹ «Русское богатство», 1898, т. III, V, VII.

²⁰ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 220.

²¹ Там же, стр. 252.

²² Там же, стр. 332.

²³ Там же, т. XXIII, стр. 223.

ского в общей цепи развития передовой мысли человечества в XIX в. Плеханов показывает, что перед философами середины XIX в. встала очень трудная проблема: примирить идеал устройства человеческого общества с действительностью так, чтобы не фантазировать о желанном будущем, а строить это будущее, опираясь на изучение реальной действительности и законы ее развития. Плеханов в своих исследованиях о Белинском показал, что наш великий мыслитель смотрел на философию иными глазами; чем многие мыслители Запада. Те нередко считали, что задача философии исчерпывается созерцательным изучением законов существующего общества и природы. Белинский, писал Плеханов, «не мог удовлетвориться «отвлечениями». Его могла удовлетворить только такая система, которая, сама вытекающая из общественной жизни и сама объясняясь этой жизнью, в свою очередь объясняла бы ее и давала бы возможность широкого и плодотворного на нее воздействия».²⁴ Белинский, указывает Плеханов, стремился обосновать ход идей ходом вещей.²⁵ Поэтому, между прочим говорит Плеханов, Белинского не могла удовлетворить абсолютная система гегелевской философии, которая видела свою задачу в раскрытии разумности всего существующего и в созерцании прелести реакционной прусской монархии.

Белинский, отмечает Плеханов еще в 1897 г., «ждал от философии указания пути к человеческому счастью».²⁶ Это свое заключение Плеханов повторял неоднократно почти дословно, приведя его и в статье 1908 г., написанной для «Истории русской литературы».²⁷ В статье «О Белинском» (1910) Плеханов для подтверждения этой своей мысли приводит высказывание Белинского из статьи «Русская литература в 1840 году»: «Нам уже нужны не мечты, а действительность; для нас уже медный грош дороже миллионов рублей, вычеканенных из воздуха».²⁸ Итак, констатирует Плеханов, Белинский пытался построить научную теорию развития общества.

«Повторяем,— пишет Плеханов,— в лице нашего гениального критика русская общественная мысль впервые и смело взялась за решение той великой задачи, которую поставил девятнадцатый век перед всеми мыслящими людьми Европы».²⁹ В конце статьи «Белинский и разумная действительность» Плеханов так определяет значение Белинского в истории нашего освободительного движения: «По-нашему, Белинский является центральной фигурой во всем ходе развития русской общественной мысли. Он ставит себе, а следовательно, и другим ту великую задачу, не решив которой мы никогда не знали бы, каким путем идет цивилизованное человечество к своему счастью и к победе разума над слепой, стихийной силой необходимости; мы навсегда остались бы в бесплодной области «маниловских» фантазий, в области идеала, «оторванного от географических и исторических условий, построенного на воздухе».³⁰ Белинский не смог разрешить этой великой задачи. Законы общественного развития были открыты в те же 40-е годы Марксом и Энгельсом. Свою статью «К столетию со дня рождения В. Г. Белинского» Плеханов заканчивает знаменательными словами: «И нам надо теперь... с радостным и благодарным удивлением вспоминать о том обстоятельстве, что, несмотря на отсталость родины Белинского, мысль его плодотворно работала в том самом направлении, в котором дви-

²⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 219.

²⁵ Там же, т. XXIII, стр. 132.

²⁶ Там же, т. X, стр. 234.

²⁷ Там же, т. XXIII, стр. 138.

²⁸ Там же, стр. 213—214.

²⁹ Там же, т. X, стр. 233.

³⁰ Там же, стр. 252.

галась самая передовая мысль самых передовых стран Запада. Недаром он с увлечением читал «Deutsch-Französische Jahrbücher», издававшиеся в Париже Арнольдом Руге и Карлом Марксом». ³¹

Таким образом, в борьбе с декадентством Плеханов доказал, что Белинский был великим русским мыслителем.

Декаденты считали, что в России нет критики, что Белинский не оставил никакого теоретического наследства. Плеханов на многочисленных примерах показывает, что Белинский был «первым и, без всякого сомнения, самым ярким литературным выразителем прогрессивных стремлений мыслящих разночинцев», ³² что он создал школу, из которой вышли и Чернышевский и Добролюбов, сами ставшие позднее крупными мыслителями.

Декаденты утверждали, что современному русскому просвещению не на что опереться, так как революционные демократы не создали ни философских, ни социологических, ни эстетических систем. Готовясь в 1898 г. за границей к выступлению перед русскими эмигрантами, Плеханов написал страстную речь о Белинском. В конспекте этой речи он отмечал, что жандармы в свое время считали Белинского государственным преступником. «Но именно за эту преступность..., — записал Плеханов, — мы питаем к нему чувство, которое выше и чище чувства сыновней любви, мы, государственные преступники не только по существу, но и формально, мы, изгнанники, сохранившие веру в свой народ и убежденные в том, что Россия достигнет, наконец, той цивилизации, о которой говорил Белинский». ³³ Еще в статье об Успенском, написанной в 1888 г., Плеханов говорил о великой преемственности идей. «Но что же такое марксизм, — отмечал тогда Плеханов, — как не новая фаза того самого умственного движения, которым мы обязаны Белинскому?» ³⁴ В конспекте цитированной речи Плеханов дал формулу: «Белинский — предшественник русского марксизма». ³⁵

Плеханов, опираясь на выводы марксизма, увидел в Белинском гениального русского мыслителя, подготовившего почву для распространения марксизма в России.

Плеханов проследил закономерность развития русской общественной мысли. Декаденты, опираясь на реакционные идеалистические системы, увидели в Белинском «чахоточного пророка» со слабым интеллектом. Для них история развития русской общественной мысли — это цепь ошибок и заблуждений. Сами же они, считая себя первыми серьезными мыслителями в России, пришли к утверждению трагедийности жизни. Революция смела их с лица земли.

Но Плеханов противоречив.

Рассматривая творчество того или другого общественного деятеля, он не ограничивается общей оценкой данного мыслителя, а старается показать процесс его развития. В этом сильная сторона критики Плеханова. Однако Плеханов нередко отрывает этот процесс от конкретных общественно-исторических условий, ограничиваясь изложением развития идей самих по себе, той догматической логикой, за которую не раз критиковал Плеханова Ленин. В этом слабая сторона работ Плеханова.

Так же догматично подошел Плеханов к рассмотрению эволюции Белинского.

Плеханов справедливо писал: «Бедная внешними событиями жизнь Белинского ознаменовалась настоящими бурями в умственной области». ³⁵

³¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI, стр. 145.

³² Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 322.

³³ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI, стр. 131.

³⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 63—64.

³⁵ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI, стр. 135.

³⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 125.

Однако настоящего объяснения причин, которые порождали эти «бури», Плеханов не дал.

Уже в первой своей работе о Белинском — «Белинский и разумная действительность» (1897) Плеханов дал схему развития Белинского, которая легла в основу всех его работ о великом мыслителе. Плеханов говорил, что Белинский прошел три основных этапа. «...Если Белинский в первой фазе своего развития, — писал Плеханов, — жертвовал действительностью ради идеала, а во второй — идеалом ради действительности, то в третьей и последней фазе он стремился примирить идеал с действительностью посредством идеи развития, которая дала бы идеалу прочное основание и превратила бы его из «абстрактного» в конкретный».³⁷

Так как развитие Белинского протекало в очень бурной форме, Плеханов позднее называл отдельные этапы этого развития «актами умственной драмы» великого мыслителя. В своей работе «Виссарион Григорьевич Белинский» (1908) Плеханов так изображал процесс развития Белинского: «Три первые акта умственной драмы Белинского можно озаглавить так: 1) абстрактный идеал и фиктеанство; 2) примирение с «действительностью» под влиянием «абсолютных» выводов гегелевой философии; 3) восстание против «действительности» и переход частью на отвлеченную точку зрения «личности», частью на конкретную точку зрения гегелевой диалектики. Четвертый акт этой драмы начался полным разрывом с идеализмом и переходом на материалистическую точку зрения Фейербаха. Но рука смерти опустила занавес после первых же сцен этого акта».³⁸

Эта схема Плеханова глубоко порочна. В 30—40-х годах прошлого века наш народ выдвинул целую плеяду замечательных мыслителей и писателей — Герцена, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Гончарова и многих других, которые в неимоверно трудных социальных условиях создали величайшие произведения, поставившие русскую культуру на одно из самых первых мест в мире. В эти годы шла напряженная социальная борьба и в экономической и в политической области, развивалась русская промышленность, крепостное крестьянство глухо волновалось, его участь и страдания вдохновляли лучших писателей того времени на создание антикрепостнических произведений. Россия 30—40-х годов жила напряженной интеллектуальной жизнью. Создавались условия для назревания революционной ситуации в 60-х годах. Письмо Белинского Гоголю, по определению В. И. Ленина, отражало настроение крепостных крестьян.

Мимо всех этих явлений русской общественной и политической жизни прошел Плеханов. Его схема развития Белинского носит абстрактный характер и не отражает действительной эволюции мировоззрения великого мыслителя.

Плеханов смело и решительно выступал против Михайловского, Воынского, Венгерова, пытавшихся извратить творческий облик Белинского. Но одновременно Плеханов не только не опроверг антинаучной схемы развития Белинского, объясняющей отдельные этапы эволюции великого мыслителя влиянием на него тех или иных философов Запада, схемы, основой которой были высказывания П. В. Анненкова и других современников Белинского, — но даже постарался углубить и философски обосновать эту схему. Сам Плеханов во многих своих работах указывал, что исследование творчества любого общественного деятеля должно носить конкретно-исторический характер. При рассмотрении же Белинского Плеханов наперекор этому принципу стал рисовать эволюцию великого мыслителя вне конкретной

³⁷ Там же, т. X, стр. 242.

³⁸ Там же, т. XXIII, стр. 164.

обстановки русской жизни 30—40-х годов. Плеханов настойчиво говорил о гениальном уме Белинского, показывал (об этом ниже), как самостоятельно решал Белинский многие вопросы социологии, философии и эстетики, и в то же время объяснял всю эволюцию Белинского влиянием философов Запада. Плеханов упустил из виду, что Белинский был оригинальным русским философом, социологом, теоретиком искусства, что он давал гениальный анализ основных проблем русской литературы и русской общественной мысли.

Плеханов так рисует схему развития Белинского: при создании Белинским драмы «Дмитрий Калинин» на него влиял Шиллер (см. т. X, стр. 215), затем Белинский стал последователем Шеллинга; влияние Шеллинга сменилось влиянием Фихте (стр. 217), затем наступил период увлечения консервативной стороной учения Гегеля (стр. 339); разорвав с консервативной стороной гегельянства, Белинский усвоил диалектику Гегеля (т. XXIII, стр. 153) и до конца жизни остался гегельянцем (т. X, стр. 343, и т. XXIII, стр. 173); в конце жизни, по мнению Плеханова, Белинский стал склоняться в сторону Фейербаха (т. X, стр. 340) и даже в обзоре литературы за 1846 г. выступил убежденным фейербахианцем (т. XXIII, стр. 213). Эта схема противоречит теоретическим высказываниям самого Плеханова: можно ли было считать гениальным мыслителя, который всю жизнь находился под чьим-нибудь влиянием и никогда не был самостоятелен? Можно ли объяснять эволюцию в мировоззрении большого мыслителя только внешними влияниями?

При рассмотрении творческого пути Белинского Плеханов во всех своих статьях почти не останавливается на рассмотрении раннего периода деятельности Белинского, когда были созданы «Литературные мечтания», статьи о повестях Гоголя, о стихотворениях Бенедиктова. Плеханов начинает рассмотрение эволюции Белинского прямо с так называемого примирительного периода. Даже в статье, написанной для «Истории русской литературы», самый характер которой требовал освещения всех этапов развития мыслителя, Плеханов не отступает от этого ограничения.

До Плеханова все мемуаристы и исследователи считали этот «примирительный» период развития Белинского сплошной ошибкой. Плеханов первый открыл громадное значение этого периода в творческой эволюции Белинского. Но Плеханов, несомненно, преувеличил его значение, считая этот период центральным во всем развитии Белинского. Некоторые свои объективистские взгляды Плеханов попытался обосновать ссылками на Белинского.

Следуя своей схеме, Плеханов рассуждал так: в раннем периоде Белинский был мечтательным идеалистом, но сравнительно скоро понял, что воспевание идеала, оторванного от жизни, ничего не изменит в существовании людей. Белинский, как известно, всегда признавал только такую философию, которая помогает людям идти к счастью, — это неоднократно подчеркивалось Плехановым. Белинский, разочаровавшись в абстрактном идеализировании, рассуждает далее Плеханов, должен был обратиться к изучению реальной действительности. На пути великого критика встретился Гегель. Предшественники Плеханова считали, что Белинский не понял Гегеля и поэтому совершил свое «грехопадение» в «примирительном» периоде. Плеханов не согласен с такой точкой зрения. Он пытается доказать, что Белинский очень хорошо понял и уловил консервативный дух гегелевской философии. Однако сам Плеханов, вопреки этому своему утверждению, показывает, что далеко не все, что писал Белинский в этот период, можно объяснить влиянием Гегеля.

«...Новая фаза философского развития Белинского, — писал Плеханов еще в 1897 г., — представляет собою огромный шаг в сравнении с

предыдущей». ³⁹ В чем же значение этого шага великого мыслителя? Плеханов приводит высказывание Белинского о действительности, относящееся к этому времени: «но главное — знать ее, как бы ни знать». ⁴⁰ Белинский не удовлетворяется эмпирическим признанием действительности. Он теперь, пишет Плеханов, приравнивает к нулю абстрактный идеал, так же как в предыдущем периоде приравнивал к нулю действительность. Белинский, изучая действительность, хочет понять внутренние закономерности ее развития. Он отрицательно относится к тем «рационалистам», которые свои идеи выводят из философских и политических систем, а не из изучения действительности, которые пытаются навязать жизни свои субъективные мнения вопреки закономерностям общественного развития. Плеханов разбирает статью Белинского о Бородинской годовщине. «Главный интерес этой статьи, — писал Плеханов, — заключается в борьбе с рационалистическими взглядами на общественную жизнь и в выяснении отношения отдельных личностей к обществу, взятому в его целом». ⁴¹ В другой своей статье Плеханов для иллюстрации этой мысли приводит высказывания Белинского о «мнениях», которые великий критик противопоставляет «мысли». «Публика начинает требовать, — писал Белинский, — не мнений, а мысли. Мнение есть подготовленное понятие, основанное на поговорке: «мне так кажется»; какое же дело публике до того, что и как кажется тому или другому господину?.. Притом один и тот же предмет одному кажется так, другому иначе и большей частью обыкновенно вверх ногами. Вопрос не в том, как кажется, а в том, как есть в самом деле, и этот вопрос может решаться не мнением, а мыслью. Мнение опирается на случайном убеждении случайной личности, до которой никому нет дела и которая сама по себе — очень неважная вещь; мысль опирается на самой себе, на собственном внутреннем развитии из самой себя, по законам логики». ⁴² Белинский, отмечает Плеханов, и в этой фазе своего развития остается идеалистом, но он мирится не столько с реальной действительностью царской России конца 30-х годов, сколько с печальной судьбой всякого абстрактного идеала.

Предшественники Плеханова считали, что Белинский в этом периоде разделял самые реакционные политические взгляды. Плеханов, изучивший наследие Белинского, опираясь на факты личной биографии Белинского и его высказывания, противоречащие исповедуемой им философии, продиктованные отношением к реальным фактам реальной жизни, приходит к противоположным выводам. «Очень ошибся бы, однако, тот, — писал Плеханов, — кто принял бы за охранителя, «примирившегося» с русской действительностью, Белинского. Он и тогда еще был очень далек от консерватизма... Он вовсе не склонен и к идеализации современной ему русской жизни; он находит, что в ней много несовершенств, но он объясняет эти несовершенства молодостью России». ⁴³

Подытоживая свое изучение этого периода в развитии Белинского, Плеханов приходит к такому выводу: «Белинский обнаружил огромное чутье правды, когда с восторгом поспешил усвоить себе и с жаром принялся проповедовать взгляд на историю как на необходимый и потому законосообразный процесс. В этом случае в лице Белинского русская общественная мысль впервые с гениальной смелостью взялась за решение той

³⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 226.

⁴⁰ Там же, стр. 225.

⁴¹ Там же, стр. 226.

⁴² Там же, стр. 257.

⁴³ Там же, стр. 222—223.

же великой задачи, которая, как мы видели, влекла к себе лучшие умы девятнадцатого века».⁴⁴

Как известно, сам Белинский говорил о большом значении этого периода в своем развитии. Плеханов неоднократно воспроизводил это высказывание Белинского. Но известно и другое. Белинский позднее со стыдом и болью вспоминал об этом же периоде. Этих высказываний Белинского Плеханов с такой же последовательностью не приводил в своих работах. Кто же более прав в оценке этого периода — сам Белинский со своими внешне противоречивыми оценками или Плеханов со своим категорическим утверждением? Прав оказался Белинский и далеко не во всем прав Плеханов.

Белинский, конечно, не ставил перед собой задачи подробно и обстоятельно выяснить положительное значение этого периода своего развития. Это сделал Плеханов, опираясь на огромный опыт развития социологических учений за полвека после смерти Белинского. Но Белинский видел в так называемом примирительном периоде своего развития не только логическое развитие идей, но и политическое значение этих идей в конкретно-исторических условиях развития России во второй половине 30-х годов. Белинский со стыдом говорит об этом периоде потому, что он теоретически (совсем не практически, как мы хорошо знаем) допускал оправдание крепостничества и самодержавия. Белинский видел в этом свою политическую ошибку. Плеханов же рассматривал путь развития Белинского вне конкретно-исторических условий, его интересовала в первую очередь логическая последовательность идей. Плеханов увидел только, что Белинский отказался от абстрактных идеалов, стал изучать действительность, стал искать закономерность развития жизни в самой жизни, а не в сфере оторванных от жизни идей. В оценке этого периода деятельности Белинского сам Плеханов допускает абстрактно-объективистские ошибки.

Плеханов сделал немало для выяснения политических взглядов Белинского. Однако до конца раскрыть подлинную глубину этих взглядов Плеханову не удалось: мешала принятая им ложная «западническая» схема философского развития Белинского, мешали его объективистские позиции в решении ряда важнейших проблем. Поэтому так противоречива оценка Плехановым социально-политических взглядов Белинского. Эти противоречия только в незначительной степени могут быть объяснены наличием действительных противоречий в воззрениях Белинского, большинство же их порождено ошибками самого Плеханова. Очень часто Плеханов делает какое-нибудь утверждение, исходя из принятой им схемы. Но рассматриваемые работы Белинского толкают исследователя на иной вывод. И Плеханов делает этот иной вывод, порой не замечая противоречия его с раз принятыми посылами, а в других случаях пытается разъяснить наметившееся «противоречие» путем формально-логических выводов.

Как известно, Плеханов считал Белинского последователем философских систем то Шеллинга, то Фихте, то Гегеля, то Фейербаха. Но когда реакционные критики утверждали, что Белинский не был самостоятельным мыслителем, то Плеханов вполне справедливо вел ожесточенную борьбу с ними, доказывая, что Белинский был великим философом, социологом, теоретиком искусства. В процессе этой благородной борьбы Плеханов неоднократно сам вынужден был нарушать свою схему, находящуюся в вопиющих противоречиях с реальным процессом философской эволюции Белинского.

Сколько страниц посвятил Плеханов доказательству того, что Белинский был последователем Гегеля и чуть ли не до самой смерти оставался

⁴⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 230—231.

гегельянцем! Но уже в статье «Белинский и разумная действительность» (1897) Плеханов пишет о том, что в философии Гегеля было кричащее противоречие между диалектическим методом и абсолютной системой, противоречие, которого не видел Вольтер и которое обнаружил Белинский. Приведя высказывание Белинского по этому поводу, Плеханов писал: «Русский, «подозревавший» такие вещи и еще в конце тридцатых годов, в самом деле, должен был обладать высокой «философской организацией». И плохи те «философские организации», которые не понимают его до сих пор». ⁴⁵ Во второй статье — «Литературные взгляды В. Г. Белинского» (1897) Плеханов в подстрочном примечании пишет: «...Очень ошибается тот, кто думает, что, подчинившись влиянию Гегеля, Белинский отказался от всякой самостоятельности в суждениях. В одном из своих писем от 1838 г. он говорит: «Когда дело идет об искусстве и особенно о его непосредственном понимании, я смел и дерзок, и моя смелость и дерзость в этом отношении простираются до того, что и авторитет самого Гегеля им не предел... Понимаю мистическое уважение ученика к своему учителю, но не почитаю себя обязанным, не будучи учеником в полном смысле этого слова, играть роль Сеида. Глубоко уважаю Гегеля и его философию, но это мне не мешает думать... что еще не все приговоры во имя ее неприкосновенно святы и непреложны». ⁴⁶ Эти строчки были написаны Белинским в те годы, когда он, по мнению Плеханова, был наиболее увлечен философией Гегеля. Приведенная цитата указывает, насколько на самом деле был далек Белинский от рабского преклонения перед Гегелем. Однако Плеханов даже не нашел нужным подчеркнуть отличие взглядов Белинского от взглядов Гегеля, хотя в первой своей статье, указав на обнаруженное Белинским противоречие между методом и системой Гегеля, он писал: «Объявив себя обладателем абсолютной истины и примирясь с существующим, Гегель повернулся спиной ко всякому развитию и признал разумом ту необходимость, от которой страдало современное ему человечество. Это было равносильно объявлению себя философским банкротом. И вот это-то банкротство и возмущало Белинского». ⁴⁷ Плеханов говорит о разрыве Белинского с консервативной философией Гегеля, который объясняется «неспособностью «абсолютной» гегелевской философии ответить на мучившие его (Белинского.— А. М.) общественные и исторические вопросы». ⁴⁸ Плеханов приводит известное письмо Белинского, где русский мыслитель говорит, что он раскланивается с «философским колпаком» Егора Федоровича (Гегеля), называет его филистером и требует, чтобы он дал ему отчет во всех муках человечества, порождаемых «разумной действительностью». В поздней статье «О Белинском» (1910) Плеханов замечает: «Но уже в 1844 г., в статье о сочинениях кн. В. Ф. Одоевского, он (Белинский.— А. М.) с полным убеждением говорит, что «теперь даже философия Гегеля относится в Германии к учениям, уже совершившим свой круг». В следующем году он повторяет ту же мысль в небольшой рецензии на книгу А. Татаринова. ⁴⁹

В противоположность мнению Плеханова, Белинский понял диалектику Гегеля несравненно глубже, чем сам Гегель. Одна из крупнейших философских заслуг Белинского заключается как раз в его критике неверного понимания и применения диалектического метода Гегелем.

Белинскому диалектический метод указывает на неизбежность революционного разрешения именно этих вопросов. «Отрицание — мой бог.

⁴⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 236—237.

⁴⁶ Там же, стр. 266.

⁴⁷ Там же, стр. 237.

⁴⁸ Там же, стр. 235.

⁴⁹ Там же, т. XXIII, стр. 211.

В истории мои герои — разрушители старого». По словам Белинского, Гегель «изменял собственному методу» (из рецензии на «Историю Малороссии» Маркевича).

Согласно схеме Плеханова, Белинский в конце жизни стал склоняться к философии Фейербаха. Но, как известно, Фейербах в вопросах истории был глубоким идеалистом и, конечно, в этой области ничему не мог научить Белинского. Плеханов это великолепно понимает. В статье «Виссарион Григорьевич Белинский» (1908), сказав об ограниченности материализма Фейербаха и его историческом идеализме, Плеханов замечает: «Белинский сам умел делать надлежащие выводы из раз найденных посылок». ⁵⁰ Мыслитель, который умеет делать самостоятельные выводы, может ли быть назван только последователем философов Запада? Плеханов это чувствовал и сам. В рецензии на книгу Ашевского Плеханов приводит отзыв Дудышкина о Белинском, который называет «чрезвычайно умным». «Такой способности к отвлеченному мышлению, — писал Дудышкин, — такой способности к философии мы решительно не признаем ни за кем. В этом отношении ему мог бы отдать честь любой германский философ». Приведя этот отзыв, Плеханов восклицает: «Трудно выразиться точнее!» ⁵¹ Однако Плеханов не сказал прямо, что Белинский сделал шаг вперед по сравнению со многими западными философами, что он самостоятельно решал те вопросы, которые не могли решить философы Запада. Такое заключение разрушило бы схему Плеханова. Но изучение трудов Белинского заставило Плеханова высказать некоторые положения, которые изнутри взрывали его схему и показывали отдельные черты оригинального творческого облика Белинского.

Плеханов считал, что, разорвав с консервативным гегельянством, Белинский стал просветителем. Он стал на сторону угнетенных, но не сумел объяснить социальных отношений и в центр своего внимания поставил отвлеченную человеческую личность. Поэтому, думал Плеханов, Белинский должен был неизбежно разделять точку зрения исторического идеализма просветителей, которые выдвинули формулу — «мнения правят миром». Белинский в этот период придавал особое значение интеллигенции, сформировавшейся из всех классов общества. Именно интеллигенция призвана быть основной силой прогрессивного движения человечества. Позднее Белинский стал опираться на материализм Фейербаха, учение которого об отвлеченной человеческой личности было близко взглядам просветителей. Так рассуждал Плеханов. Эти положения Плеханова во многом ошибочны. Плеханов живого и многогранного Белинского, чрезвычайно оригинального мыслителя, живущего в определенных социально-исторических условиях России, пытался втиснуть в отвлеченную схему просветительства. К самому просветительству Плеханов относился резко отрицательно: он критиковал его с объективистских позиций, считая, что всякий общественный деятель должен следовать закономерностям общественного процесса и не противопоставлять ему своей воли. Плеханов вынужден был признать, что Фейербах не мог помочь Белинскому в разрешении социально-политических вопросов и что Белинский многие вопросы решал самостоятельно.

В процессе анализа Плеханов устанавливает, что взгляд на человеческое общество как на сумму отвлеченных личностей, понимаемых в свете воззрений просветителей и Фейербаха, отнюдь не исчерпывает социологических воззрений Белинского.

Плеханов показывает, что уже в так называемый примирительный период Белинский оставляет далеко позади себя просветителей. Он изла-

⁵⁰ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 161.

⁵¹ Там же, стр. 265.

гает взгляд Белинского на закономерность общественного процесса, противопоставленный субъективной социологии просветителей, и приходит к выводу, что воззрения Белинского «несравненно глубже и серьезнее рационалистического взгляда, не оставляющего никакого места научному объяснению общественных явлений».⁵²

Ни Гегель, ни Фейербах не выяснили значения классовой борьбы в историческом развитии общества. Плеханов отчетливо показал, что Белинский самостоятельно пришел к выводу о классовом делении общества, что Белинский давал гениальный анализ классовой структуры современной ему Франции и обнаружил глубочайшее понимание сущности буржуазного понятия о равенстве. Плеханов воспроизводит знаменитую статью Белинского о романе Эженя Сю «Парижские тайны» для того, чтобы опровергнуть взгляд Венгерова, который на страницах «Русского богатства» так характеризовал воззрения Белинского: «тут не борьба классов, а человечество, не политическая экономия, а вера». Этой либеральной клевете Плеханов противопоставляет гениальные строки из статьи Белинского о романе Эженя Сю и делает такой вывод: «Я спрашиваю вас, господа, какой вид имеет здесь «вера в человечество?» Она вполне и без остатка покрывается верой в народ, понятие о котором, в свою очередь, совершенно покрывается понятием о рабочем классе. Интересы и даже нравственность рабочих противопоставляются интересам и нравственности буржуазии. Это ли не точка зрения борьбы классов?»⁵³ Плеханов первый отметил наличие в социологической системе Белинского учения о классовой борьбе.

Плеханов также настойчиво отмечал стремление Белинского в ряде статей и писем объяснить социальное развитие экономическими причинами. Так, анализируя даже такую статью Белинского, как «Петербург и Москва», которая была написана в тот период, когда Белинский стоял на позициях философского идеализма, Плеханов находит среди идеалистических построений Белинского попытки дать социально-экономический анализ. «Это любопытный образчик,— делает заключение Плеханов,— вторжения материализма в мирозерцание, которое по основам остается еще совершенно идеалистическим».⁵⁴

Плеханов показывает, какой большой шаг вперед сделал Белинский в этом вопросе к концу жизни. Он приводит известное письмо Белинского к Анненкову, написанное незадолго до смерти. Плеханов говорит, что в этом письме обнаруживаются «интересные мнения, но только недавно начавшие привлекать к себе внимание мыслящих русских людей».⁵⁵ Что же привлекло внимание Плеханова? Элементы исторического материализма, которые, без сомнения, легко обнаруживаются в указанном письме. Плеханов пишет по поводу этого письма Белинского: «И вот он ставит будущую судьбу России в зависимость от ее экономического развития: внутренний процесс гражданского развития России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазию».⁵⁶

Плеханов пытается выяснить и революционный характер социальных взглядов Белинского. В одном из черновых вариантов речи о Белинском (1898) Плеханов писал: «Не подлежит никакому сомнению, что при существующих в России условиях русская печать в статьях, вышедших по случаю пятидесятилетней годовщины смерти Белинского, не могла свободно

⁵² Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 230.

⁵³ Там же, стр. 327.

⁵⁴ Там же, стр. 244—245.

⁵⁵ Там же, стр. 249.

⁵⁶ Там же, стр. 250.

коснуться политических его взглядов,— не могла осветить ярким светом всех тех данных, которые имеются у нас для характеристики отношения его к нашему правительству в последние годы его жизни, когда миросозерцание его уже окрепло, а личность окончательно сложилась».⁵⁷ Плеханову пришлось не только выяснять истинный характер политических взглядов Белинского, но и вести борьбу с теми, кто пытался извратить эти взгляды. В своей речи о Белинском Плеханов говорил: «Г. Венгеру, да и не одному г. Венгеру, хотелось бы смягчить многие «крайности» в характере и особенно во взглядах Белинского».⁵⁸ И Плеханову почти во всех своих статьях пришлось разъяснить, что так называемый кружок «западников» 40-х годов прошлого века был далеко не однороден по своему составу, что Белинский занимал в нем крайне левую позицию. «Белинский становится революционером»,— отмечает Плеханов в своем конспекте речи о Белинском. Это утверждение проходит красной нитью через все статьи Плеханова. «Со времени так называемого разрыва с Гегелем,— указывал Плеханов в речи, произнесенной за границей,— начался тот последний фазис развития Белинского, в котором он является таким решительным революционером».⁵⁹ В статьях, предназначенных для русской легальной печати, разумеется, Плеханов не мог говорить с такой откровенностью.

Как известно, в 40-х годах Белинский стал на позиции социализма. Венгеру на страницах «Русского богатства» писал: «Самою лучшею характеристикой миросозерцания кружка Белинского и Герцена было бы назвать их «социалистами». Но я боюсь этого названия, позднее приобретшего иной оттенок, воинственный. Я же, напротив того, сейчас собираюсь показать, что «социализм» в позднейшем смысле, агрессивном, был чужд людям 40-х годов. Белинский в одном письме называет себя «социалистом», но только в смысле человека, интересующегося по преимуществу «социальными», т. е. общественными вопросами». Плеханов вел непримиримую борьбу против такого искажения взглядов Белинского. Он отмечал, что «Русское богатство» «употребляет все усилия для того, чтобы стереть яркие краски с образа нашего великого писателя».⁶⁰ Венгеру не видел различия между правым и левым крылом «западников»; более того, он с либеральных позиций старался стереть это различие, называя расплывчатым термином «общественник» и революционно-настроенного Белинского или Герцена, и либерально мыслящих Тургенева или молодого Достоевского, автора романа «Бедные люди». Плеханов настойчиво подчеркивает революционную настроенность Белинского, приводя для подтверждения своей мысли высказывания Белинского о маратовской любви к человечеству, о его пристрастии к Робеспьеру. В конспекте речи о Белинском Плеханов замечает: «Социализм Белинского совсем не чужд агрессивных элементов».⁶¹

Как известно, западный утопический социализм отнюдь не носил агрессивного характера и был мечтанием одиночек, оторванных от широких народных масс. Совсем иным был социализм Белинского.

Плеханов показал, что Белинский не остановился на теории утопического социализма, а пошел дальше. «Неумение стать твердой ногой на историческую точку зрения,— писал Плеханов,— составляло Ахиллесову пятку тогдашнего социализма, который, именно ввиду этого недостатка, называют теперь утопическим. Белинскому... должен был броситься и действ-

⁵⁷ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI, стр. 125.

⁵⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 325.

⁵⁹ Там же, стр. 339.

⁶⁰ Там же, стр. 326.

⁶¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI, стр. 130.

вительно бросился в глаза этот недостаток тогдашнего социализма... Его раздражение против утопического социализма, стоявшего на почве абстрактного отрицания существующего порядка вещей, выросло тем сильнее, чем болезненнее сознавал он необходимость найти конкретную, действительную почву для своего отрицания действительности».⁶² Как известно, западные утописты слабо представляли себе закономерность исторического процесса. Плеханов подчеркивал, что и в этом вопросе Белинский сделал шаг вперед по сравнению с западными утопистами. «Белинский,— писал Плеханов,— лучше тогдашних социалистов-утопистов понял историческую роль капитализма в Западной Европе и предугадывал огромную важность его в деле устранения нашего старого «патриархального быта жизни».⁶³ Плеханов, написав эти строки в 1898 г., обращал особое внимание не только на своеобразие социализма Белинского, но и показывал, что Белинский в решении социальных вопросов стоял далеко впереди современных Плеханову эпигонов народничества. Однако Плеханов не понимал, что Белинский, отрицательно относясь к капитализму, преодолевал утопический социализм, выдвигая идею революции.

Плеханову приходилось не только бороться с извращением взглядов Белинского, но и разоблачать сознательную и бессознательную клевету на великого мыслителя. Так, например, Пыпин в своей известной книге о Белинском, приведя резкий отзыв Белинского о русском мужике, вздумал объяснить этот отзыв тем, что Белинскому не был еще ясен термин «народ» в его настоящем содержании. Плеханов рядом примеров показывает, что Белинский прекрасно понимал термин «народ», а его резкое высказывание «направлено лишь против тех черт народного характера, за которыми часто желает прятаться даже обскурантное лицемерие» и в которых Белинский винил не народ, а его угнетателей.⁶⁴ Плеханов приводил и другое «мнение», «согласно которому в 40-х годах Белинский был в кружке западников представителем чуть ли не антидемократического,— или, по крайней мере, равнодушного к тяжелому положению народа,— направления, между тем как Грановский и Герцен представляли собою народолюбивые тенденции этого кружка». Эти идеи,— указывает Плеханов,— были высказаны в работе Ч. Ветринского «Т. Н. Грановский.— Западники и славянофилы в 1844—1845 гг.». «Мы наоборот,— подчеркивает Плеханов,— очень склонны думать, что крайний во всех своих чувствах Белинский и глубиной симпатии к угнетенному народу превосходил остальных членов западнического кружка».⁶⁵ Плеханов рассказывает, что некоторые современные Белинскому либералы и славянофилы пытались внушать Белинскому... любовь к народу! «Можете ли вы, читатель,— спрашивал Плеханов,— вообразить Белинского владельцем крепостных душ? Я не могу. А вот у Грановского была «крещеная собственность». Славянофилы... тоже спокойно владели своими крепостными душами».⁶⁶ И Плеханов приводит интересные документы, свидетельствующие о том, как «народолюбивые» либералы и славянофилы распоряжались своими крепостными душами.

Таким образом, Плеханов, часто вопреки собственным высказываниям и принятой им схеме, показал, что Белинский не был последователем западных философов, а решал самостоятельно многие вопросы философии и социологии, сделав крупный шаг вперед по сравнению и с западными

⁶² Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 343—344.

⁶³ Там же, стр. 347.

⁶⁴ Там же, т. XXIII, стр. 221.

⁶⁵ Там же, стр. 141.

⁶⁶ Там же, стр. 221—222.

просветителями и с западными социалистами-утопистами. Однако прямо Плеханов не подчеркнул, что Белинский самостоятельно разрабатывал вопросы философии и социологии.

Декадентская критика боролась с революционно-демократическим наследием. Плеханов всегда указывал, что Белинский является предшественником марксизма, что он вплотную подошел к решению тех вопросов, которые разрешить в состоянии был только марксизм.

Пыпин в своей книге о Белинском писал, что в конце своей жизни Белинский стал склоняться к позитивизму О. Конта. Плеханов в первой же своей статье «Белинский и разумная действительность» опроверг это положение Пыпина и указал на действительный путь развития Белинского. «Мы позволим себе предположить,— писал Плеханов, неоднократно повторяя это свое утверждение,— что со временем он сделался бы ревностным адептом того диалектического материализма, который во второй половине девятнадцатого века явился на смену отжившей свое время идеалистической философии; историческое развитие увлекшей его философской мысли направилось как раз в ту сторону, и не даром он с удовольствием читал «Deutsch-Französische Jahrbücher», в которых писали будущие основатели диалектического материализма». ⁶⁷ В речи о Белинском Плеханов говорил: «Отрицая утопический социализм, мысль Белинского работала в том же самом направлении, в каком уже начала тогда работать революционная мысль Запада. На Западе родился научный социализм. Этот социализм,— подчеркнул Плеханов,— был ответом на все теоретические запросы Белинского». ⁶⁸ В статье, написанной для «Истории русской литературы», Плеханов снова указывал: «Белинский не дождался той поры, когда научный социализм окончательно сложился в стройную теорию. Но его гениальная мысль, уже вскоре после вступления его на литературное поприще, поставила перед ним такие теоретические задачи, правильное решение которых прямым путем вело к научному социализму». ⁶⁹

Плеханов изучал философские и политические взгляды Белинского отнюдь не с узко академическими целями. Теоретические работы Белинского в руках Плеханова были орудием политической борьбы с декадентством и народничеством за утверждение основ диалектического и исторического материализма.

* * *

При рассмотрении эстетических взглядов Белинского Плеханов проявил ту же непоследовательность, что и при рассмотрении его социальных и философских взглядов. Ошибки Плеханова при оценке этой стороны деятельности Белинского коренятся также в объективистских позициях Плеханова, в его колебаниях в сторону Канта и Тэна, в его позднейших меньшевистских построениях истории русской общественной мысли, в его борьбе против большевистского мировоззрения.

В своих многочисленных работах Плеханов неоднократно отстаивал диалектику и говорил, что каждое явление нужно рассматривать в его движении, при этом анализировать это явление не абстрактно, а в конкретно-исторических условиях. Плеханов часто приводил яркие примеры для иллюстрации этих своих совершенно правильных положений. Но существа философии, как указал В. И. Ленин, понимаемой как «раздвоение единого и познание противоречивых частей его», Плеханов часто не понимал. «На эту сторону диалектики,— писал В. И. Ленин,— обычно (например,

⁶⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 240.

⁶⁸ Там же, стр. 347—348.

⁶⁹ Там же, т. XXIII, стр. 145.

у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма примеров». ⁷⁰

Не сумел раскрыть Плеханов и диалектики развития эстетических взглядов Белинского.

Плеханов выдвинул метафизическое утверждение, противоречащее самой сущности диалектического материализма, будто у Белинского был неизменный эстетический кодекс, которого Белинский якобы придерживался во все периоды своего развития. Этот кодекс был сформулирован Плехановым впервые в статье «Литературные взгляды В. Г. Белинского» в 1897 г. Плеханов считает, что этот кодекс включает в себя пять законов:

«Первым из них, так сказать, основным законом является тот, согласно которому поэт должен показывать, а не доказывать».

«...Поэт должен изображать жизнь, как она есть, не прикрашивая ее и не искажая. Это второй закон художественного кодекса Белинского».

«...Третий закон изящного гласит, что идея, лежащая в основе художественного произведения, должна быть конкретной идеей, охватывающей весь предмет, а не только какую-нибудь одну его сторону».

«...В силу четвертого закона форма художественного произведения должна соответствовать его идее, а идеал — форме».

«Наконец, единству мысли должно соответствовать единство формы. Другими словами, все части художественного произведения должны составлять одно гармоническое целое. Это пятый и последний закон кодекса Белинского». ⁷¹

Этот кодекс в несколько сокращенной редакции Плеханов воспроизвел и в другой своей статье, написанной для «Истории русской литературы» в 1908 г. Здесь Плеханов сделал такое заключение: «Против этого кодекса трудно возразить что-либо по существу». ⁷² Таким образом, Плеханов считает составленный им кодекс внеисторическим эстетическим кодексом, который характеризует эстетические взгляды не одного Белинского, а является абсолютной вневременной истиной. Такое утверждение ничего общего с марксизмом не имеет.

Как известно, сам Плеханов называл отдельные этапы развития Белинского актами его умственной драмы. Можно ли допустить, что при изменении всего строя философских и политических взглядов Белинского неизменными оставались его эстетические взгляды? В конце статьи «Белинский и разумная действительность» Плеханов сделал очень интересное и правильное замечание: «Нас упрекнул, может быть, в том, что мы до сих пор не коснулись собственно литературных взглядов Белинского. Но эти взгляды всегда тесно связаны со всем его философским миросозерцанием». ⁷³ А это философское миросозерцание не раз изменялось, следовательно, должны были измениться и эстетические взгляды. Так оно и было. Изучаемый материал подсказывал это Плеханову. В первоначальной наброске статьи «Литературные взгляды Белинского» Плеханов, разбирая переписку Белинского, отмечает отрывок из письма к Боткину, «где Белинский... формулирует свои новые, литературные понятия» ⁷⁴ (подчеркнуто нами.— А. М.). Плеханову много раз приходится говорить о том, что эстетические воззрения Белинского изменялись. Но он говорил об этом робко и туманно, часто ссылаясь без особых объяснений на неизменность эстетического кодекса Белинского.

⁷⁰ В. И. Ленин. Философские тетради, 1938, стр. 327.

⁷¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 276—277.

⁷² Там же, т. XXIII, стр. 157.

⁷³ Там же, т. X, стр. 252.

⁷⁴ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI, стр. 111.

Почему Плеханов нашел нужным построить этот неизменный эстетический кодекс? Ответ на этот вопрос возможно получить в процессе анализа общих философских и эстетических воззрений Плеханова.

Плеханов допускал возможность сочетания взглядов последователя Маркса в экономической и политической области с взглядами Канта в области эстетики.⁷⁵ В 1905 г., в момент наиболее острых разногласий с большевиками, Плеханов написал статью «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии». В этой статье Плеханов совершенно открыто говорил о том, что он разделяет некоторые эстетические идеи Канта. «...Кант говорил, — писал Плеханов, — что наслаждение, которое определяет суждение вкуса, свободно от всякого интереса, и что суждение о красоте, к которому примешивается малейший интерес, очень партийно и отнюдь не есть чистое суждение вкуса. Это вполне верно в применении к отдельному лицу».⁷⁶ Это кантианское учение о беспартийности искусства Плеханов пропагандировал как раз в то время, когда В. И. Ленин написал свою классическую работу «Партийная организация и партийная литература», где гениально развил учение о партийности литературы пролетариата. Плеханов в те годы стоял на меньшевистских позициях. Плеханов считал, что понятие эстетического несовместимо с понятием утилитарного, что эстетическое действует на созерцательные способности человека, а не на разум, что в основе художественного творчества лежит инстинкт. Эти кантианские положения эстетики Плеханова с разной степенью остроты проявлялись в ряде его работ разных этапов. На них он пытался опереться и в борьбе с большевиками. Оказали они серьезное влияние и на оценку Плехановым эстетики Белинского. Но не только они.

Плеханов пробовал соединить марксизм с эстетической системой Тэна. В своих «Очерках по истории материализма» Плеханов находил возможным только видоизменить «формулу Тэна, согласно марксову пониманию истории», так как, по мнению Плеханова, и Маркс говорил почти то же самое, что и Тэн, «только немножко другими словами».⁷⁷ Еще в статье «Судьба русской критики» Плеханов, опровергая реакционные взгляды Вольнского, противопоставлял им систему «научной критики». То, что Плеханов называет «научной критикой», является по существу вольным переложением известного места из «Чтений об искусстве» Тэна. «Научная эстетика, — пишет Плеханов, — не делает искусству никаких предписаний; она не говорит ему: ты должно держаться таких-то и таких-то правил и приемов. Она ограничивается наблюдением над тем, как возникают различные исторические эпохи. Они не провозглашают вечных законов искусства; они стараются изучить те вечные законы, действием которых обуславливается его историческое развитие... У нее все хорошо в свое время... Словом, она объективна как физика, и потому чужда всякой метафизике».⁷⁸ Таким образом, Плеханов исключал из своей эстетической системы категорию оценки. Теория искусства, по его мнению, должна регистрировать происходящие процессы, а не руководить ими.

Это была теория буржуазного объективизма, которая не имела ничего общего с марксизмом. Эстетические взгляды Канта и Тэна оказали значительное влияние на эстетику Плеханова и не позволили ему раскрыть боевую, революционную роль эстетических взглядов Белинского.

⁷⁵ См. первоначальную редакцию статьи «Об экономическом факторе», опубликованную в журнале «Под знаменем марксизма», 1931, № 4—5.

⁷⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. XIV, стр. 118.

⁷⁷ Г. В. Плеханов. Очерки по истории материализма, 1931, стр. 154—155.

⁷⁸ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 192.

Известно, что Белинский на разных этапах своего развития по-разному смотрел на социальную роль искусства. Плеханов это считает несущественным. Его интересует другая сторона. Плеханов, опираясь на Канта, старается уверить, что Белинский на всех этапах своего развития считал акт творчества бессознательным актом. «Так как поэт мыслит образами,— подчеркивал Плеханов,— а не силлогизмами, то естественно, что он, ясно видя образ, не всегда ясно видит выражающуюся в нем идею. В этом смысле его творчество можно назвать бессознательным. В первые два периода своей деятельности (т. е. до увлечения абсолютной философией Гегеля и во время его) Белинский думал, что бессознательность составляет главную отличительную черту и необходимое условие всякого поэтического творчества; впоследствии он выражался на этот счет не так решительно, но он никогда не переставал приписывать бессознательности большое значение в деятельности истинных художников».⁷⁹ Как известно, Белинский действительно говорил о значении инстинктивного начала в художественном творчестве, он даже несколько преувеличивал эту сторону. Но можно ли считать, как это думал Плеханов, что эта частная черта эстетики Белинского определяет основные черты его эстетических взглядов? Подчеркиванием этой стороны Плеханов, следуя Канту, снижал значение идей в творчестве художника.

Анализ эстетических взглядов Белинского Плеханов начинает с рассмотрения так называемого примирительного периода. Этот период Плеханов расценивает очень высоко. Он указывал, что в этот период Белинский резко отрицательно относился к субъективному методу в литературной критике, для которой он искал объективные основы. Эту сторону Плеханов всячески подчеркивал. Но эти заблуждения Белинского в примирительный период Плеханов пытается смягчить указанием на то, что Белинский, несмотря на свои ошибки, не разделял теории «чистого» искусства и подчеркивал значение содержания. Таким образом, Плеханов не анализировал политического характера эстетических взглядов Белинского этой поры, а останавливался только на их логическом развитии.

Плеханов во многом осуждает эстетические взгляды Белинского 40-х годов, когда они получили свое наивысшее развитие. Плеханов говорит, что Белинский покидает здесь точку зрения диалектики и становится на просветительскую точку зрения. Просветительство же Плеханов безусловно осуждает, забывая о том, что Белинский, как указывал сам Плеханов, сделал значительный шаг вперед сравнительно с просветителями. Плеханов говорит, что просветители покидают историческую точку зрения, апеллируют к отвлеченной личности, противопоставляют отвлеченный здравый смысл реальному процессу исторического развития, вводят категорию должного, противопоставляя ее действительному, а литературную критику превращают в публицистику. Плеханов пытается ошибочными взглядами Белинского аргументировать свои объективистские заключения. Идеалистические заблуждения Белинского он считает диалектическими взглядами и осуждает всякие рассуждения Белинского о социальной роли искусства, называя их публицистическими. В 1910 г. в статье «О Белинском» Плеханов особенно резко противопоставлял «диалектика» — «просветителю». «Белинский был диалектиком,— писал Плеханов,— когда говорил: «Задача истинной эстетики состоит не в том, чтоб решить, чем должно быть искусство, а в том, что такое искусство». Он был просветителем, когда, требуя от искусства верного изображения действительности, прибавлял, кроме того, что искусство должно давать известное направ-

⁷⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 277.

ление взгляду читателя на известные стороны жизни... Белинский вводит тут категорию должного, и оставалось сделать еще только один шаг, чтобы взглянуть на литературу как на орудие распространения в обществе определенной системы просветительных понятий... Я,— подчеркивает совершенно откровенно Плеханов,— тоже отвергаю здесь категорию должного». ⁸⁰

Следуя такой точке зрения, Плеханов не смог выяснить всего огромного политического значения эстетических взглядов Белинского периода их расцвета в 40-х годах.

В свете этих фактов интересно отметить одну частную мысль Плеханова. Он находил, что «возражения Белинского сторонникам чистого искусства малоубедительны». ⁸¹ Чем объяснить такое заключение Плеханова, когда известно, как великолепно развивал Белинский сторонников этого направления? Объясняется это тем, что элементы кантианства приводили Плеханова в отдельных случаях к оправданию теории «искусства для искусства». Плеханов не выступал с прямой защитой этой реакционной теории, он даже отвергал ее в ряде своих работ. Но сохранился отрывок одной из редакций статьи «Искусство и общественная жизнь». В этом наброске Плеханов писал, что в эпохи, когда художники увлекаются общественными вопросами, возникает много тенденциозных произведений, но создается мало действительно художественных ценностей, когда художники склоняются к теории «искусства для искусства», создаются значительные художественные произведения, ибо общественные вопросы не отвлекают художников от искусства. ⁸² Этот отрывок показывает, к каким заблуждениям приходил в потенции Плеханов, когда он пытался до конца следовать Канту, Тэню и опираться на свои объективистские, меньшевистские взгляды.

Однако в статьях Плеханова преимущественно 90-х годов, когда он еще не разрывал с марксизмом, содержится много ценных замечаний об отдельных важнейших вопросах эстетической системы Белинского.

В своей последней статье о Белинском, написанной в 1911 г., Плеханов писал об отношении русских марксистов к Белинскому: «Они видят в нашем великом критике одного из тех писателей, которые впервые начали применять некоторые основные положения исторического материализма к изучению истории литературы. Это огромная заслуга». ⁸³

Какие же элементы исторического материализма находил Плеханов в работах Белинского?

Еще в своей ранней статье «Литературные взгляды В. Г. Белинского» Плеханов, разбирая воззрения Белинского, писал: «Вообще Белинский все больше и больше проникается тем убеждением, что развитие таланта вполне определяется влиянием окружающей его общественной среды. Поэтому его собственная критика все более и более становится исторической». ⁸⁴

Важно отметить, что современная Плеханову декадентская критика, порвав с прогрессивными традициями прошлого, резко выступала против историзма в эстетике. Один из критиков «Северного вестника» так определил свои эстетические позиции. Существуют «три элемента литературной критики,— писал он: — психология, эстетика, история. Эстетические требования занимают центральное место во всяком критическом разборе...

⁸⁰ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 218—219.

⁸¹ Там же, т. X, стр. 285.

⁸² «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. III, 1936, стр. 222.

⁸³ Там же, сб. VI, стр. 143.

⁸⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 269.

История — только фон картины, в которой критик ищет человеческой души, страстей, поэтического и философского идеала. То, что реально в произведениях искусства — мысль и чувство — реально само по себе, вне зависимости от исторических условий». ⁸⁵

Плеханов, отмечая исторический пафос критики Белинского, вел борьбу с современным ему декадентством.

Плеханов подчеркивал, что Белинский глубоко правильно решал вопрос о великих людях в искусстве. Декаденты утверждали, что поэт независим от среды и народа, что он является пророком, который в порыве интуитивного экстаза видит потусторонние миры. «Взгляд Белинского на роль великих людей в истории литературы, — писал Плеханов, — верен и для настоящего времени. И в настоящее время нельзя не признать, что великий поэт велик лишь постольку, поскольку является выразителем великого момента в историческом развитии общества. При суждении о великом писателе, как и о всяком другом великом историческом деятеле, прежде всего нужно, по прекрасному выражению Белинского, определить то место пути, на котором он застал человечество». ⁸⁶

Плеханов особенно восхищался статьями Белинского о Пушкине. Как известно, декаденты считали Пушкина защитником теории «искусства для искусства». Плеханов напомнил, что уже Белинский рассматривал творчество Пушкина как отражение определенной действительности с позиций определенного социального класса. «Белинский, — писал Плеханов, — рассматривал Пушкина как поэта дворянского сословия». ⁸⁷ Плеханов был очень далек от вульгарно-социологического толкования этого тезиса. «Национальный ли поэт Пушкин? — спрашивал Плеханов в наброске одной из статей о Белинском и давал такой замечательный ответ: — очень национальный: — и русский и помещичий в лучшем смысле». ⁸⁸ Плеханов не замечает, что он разрушает построенный им «неизменный» эстетический кодекс Белинского, когда говорит: «Взгляд Белинского на историческое значение «Евгения Онегина» показывает, что в последние годы своей жизни он приурочивал идею этого романа уже не к развитию абсолютной идеи, а к развитию русских общественных отношений, к исторической роли и смене наших слов и словий. Это целый переворот». ⁸⁹

Декадентские критики — вольинские и садовские — говорили, что Белинский не создал литературной критики, что его оценки противоречивы и не представляют интереса. Они клеветнически утверждали, что у нас нет критики и русскому просвещению не на что опереться. Плеханов стоял на противоположных позициях. Бережно изучая наследство Белинского, Плеханов в своей последней статье о великом мыслителе пришел к такому заключению: «Его статьи могут служить самым надежным руководством в деле изучения наших великих поэтов». ⁹⁰ Это ли не высокая оценка значения работ великого критика?

Плеханов много ошибался в решении ряда важнейших вопросов. Но немало сделал он для развития родной культуры, в частности для выяснения подлинных взглядов Белинского в борьбе с врагами русского революционного движения, в борьбе с врагами великого русского критика — революционера и демократа.

⁸⁵ «Северный вестник», 1891, № 12, стр. 111.

⁸⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 298.

⁸⁷ Там же, стр. 300.

⁸⁸ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI, стр. 114.

⁸⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 301—302.

⁹⁰ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VI, стр. 139.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редактора	3

I

БЕЛИНСКИЙ — ПРЕДШЕСТВЕННИК РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

А. Мясников. В. И. Ленин о Белинском	7
А. Мясников. Борьба Плеханова за Белинского с реакционной критикой	15

II

БЕЛИНСКИЙ — ИСТОРИК И ТЕОРЕТИК ЛИТЕРАТУРЫ

А. Лаврецкий. Историко-литературная концепция Белинского, ее предшественники, последователи и критики	41
А. Цейтлин. Белинский — мастер русской литературной критики	101
В. Нечаева. Белинский и проблема русского исторического романа	171
М. Кургиян. Понятие трагического у Белинского	210

III

БЕЛИНСКИЙ И РУССКИЕ КЛАССИКИ

Д. Благой. Белинский и Пушкин	235
Н. Степанов. Белинский и Гоголь	272
Н. Бродский. Белинский и Тургенев	323
И. Успенский. Письмо Белинского к Гоголю и Л. Н. Толстой	343

IV

БЕЛИНСКИЙ О ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. Иващенко. Белинский о французском социально-утопическом романе	385
Р. Самарин. Творчество Дж. Мильтона в оценке В. Г. Белинского	424
В. Неустроев. Скандинавские заметки В. Г. Белинского	435
